

ДВОЙНОЙ

АРТЕФАКТ-ДЕТЕКТИВ

ЕКАТЕРИНА ЛЕСИНА

ПОВЕРЖЕННЫЙ
ДЕМОН
ВРУБЕЛЯ

&

ТАЙНАЯ
СТРАСТЬ
ГОЙИ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л50

Оформление серии *С. Курбатова*

Лесина, Екатерина.

Л50 Поверженный демон Врубеля ; Тайная страсть Гойи : романы / Екатерина Лесина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 608 с.

ISBN 978-5-699-98637-8

Поверженный демон Врубеля

Обвиняется Демон: его глаза больше ста лет назад свели с ума великого Врубеля, а сегодня лишили покоя художника Михаила Вербицкого, который умирает накануне открытия собственной выставки. Самое удивительное, что смерть Вербицкого срежиссирована тоже по Врубелю — его тело обнаружили в позе «Демона поверженного». Дело за следствием и судом: отважится ли кто-нибудь обвинить Демона, сохранив собственный рассудок?..

Тайная страсть Гойи

Все повторяется, даже судьба герцогини Альба, той самой красавицы, которую легенда навсегда связала с Франциско Гойей и его оболганной и знаменитой «Махой обнаженной». Как и Каэтана де Сильва, 13-я герцогиня Альба, богатая наследница Марина ушла из жизни из-за «Махи». Ее смерть слишком похожа на убийство, чтобы в версию о самоубийстве можно было поверить. А это значит, для того чтобы раскрыть сегодняшнее российское дело, нужно понять главное о событиях XVIII века в далекой Испании...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98637-8

© Лесина Е., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ПОВЕРЖЕННЫЙ
ДЕМОН
ВРУБЕЛЯ

Пролог

ГОД 1924-Й

Огонек свечи дрожал, порой соскальзывая с фитиля, и тогда темнота подбиралась близко. Чернильные пятна ее расплывались по бумаге, и казалось, что сама ночь пытается прочесть недописанное письмо. Она видит отдельные слова, нанизанные на нити фраз, пустых, но вычурных.

...Говорят, что любовь — светлое чувство, которое возвышает душу. И потому чувству этому поклоняются, позабыв, что поклонение подобное противно Божьей воле.

Сухие пальцы с трудом удерживали перо. И буквы выходили неровными. Эмили тогда начинало казаться, будто бы сами эти буквы, и письмо, и комната, в которой она пребывает, существуют лишь в ее воображении. Ей говорили, что, невзирая на годы, воображение это осталось слишком уж живым.

...Но порой любовь являет собой уродливый оскал. Она не возвышает, но отравляет душу, корежит ее, вылепляя нечто столь омерзительное, что всякая божественность из этой души уходит. И сама она превращается не во что иное, как в демона.

Демон — это и есть душа. Беспокойная, терзаемая многими страстями. А он этого так и не понял. И я только сейчас пришла к тому, хотя сама себе казалась мудрою.

Слова ускользали. Виною ли тому был возраст, или же болезни, или просто ночь, темнота и свеча, с которой станется погаснуть в самый неподходящий момент. И лишь упрямство мешало Эмили отложить перо и вернуться в постель.

8 *Да и то постель эта была холодна.
Комната пуста.
А на бумаге жили воспоминания.*

...Я гадаю, что было бы, если бы мне хватило смелости ответить на безумную эту любовь. Сбежать, как он предлагал. Поселиться в Италии... мне нравилась Италия, как нравилась Франция или же Россия.

Он верил, что я любила его.

Самонадеянный мальчик. Мне было лестно, что меня любят. Истоиво. Самозабвенно. С кровью. Любовь с кровью — любимое женское блюдо... а еще он был гением. В этом не было сомнений ни у кого, и потому-то Адриан так долго терпел его выходки. И я одергивала.

Порой.

Все же самолюбие мое требовало поклонения. Никогда больше ни в чьих глазах я не видела такого искреннего восторга. И когда он уехал, ощутила себя брошенной.

Наверное, я и вправду проклята.

О нет, мой брак не распался. Адриан всегда стоял выше ревности, но это его снисходительное равнодушие к моим поклонникам задевало меня. Не сомневаюсь, что он любил. И меня, и детей, в собственной своей сухой манере. Моя же душа желала страстей. И я сама творила их... заигралась?

Скрипнули половицы.

И стало быть, Ольга проснулась. Она тоже немолода, хотя и отчаянно отказывается признавать себя старухой. Но ведет себя совершенно невозможно.

Постоянно брюзжит и жалуется.

Брюзжит и...

Сейчас вот заглянет и начнет отчитывать занудным тихим голосом. Бестолковое дитя... а письмо-то не дописано...

...Мне не единожды ставили в вину и его сумасшествие, и саму его смерть. И никто не желал признавать очевидного, что Миша сам сделал выбор. Да, я отказалась участвовать в безумной его затее, поелику понимала, что жизнь с ним будет вовсе не такой уж радужной, как он то представлял. Мне же было спокойно в моем браке, уютно... и чего ради я должна бы-

ла переменяться? Оставлять детей, мужа, дом... общество... бежать... это в фантазиях прелестно звучит, на деле же меня и тогда бы осудили за неверность. Я не боялась осуждения.

Я просто его не любила.

— Мама, вы снова не спите, — Ольга вошла в комнату, не удосужившись постучать. Она расплылась, сделалась нехороша. И нынешнее скудное платье не добавляло ей красоты. Что ж, времена наступили дикие... — Мама, вам надо отдыхать. Доктор сказал.

Глупость.

Будто бы отдых вернет прожитые годы. Да и нечего возвращать.

— Я сейчас, — сказала Эмилия. — Бессонница...

— Хотите, я вам снотворного налью?

— Нет.

Вот уж чего точно не надобно. От снотворного сны случаются муторные, недобрые. В них Эмилия не молодеет, но, как есть сейчас, старухой возвращается в Кирилловскую церковь, ту, где свет небесный коснулся двоих, но ни на одном не удержался.

На ней — так точно.

А для Мишеньки и вовсе проклятием стал.

— Я письмо допишу и лягу.

— Снова? — Ольга, против ожиданий, не стала упрекать, но села рядом. — Он вам по сей день не дает покоя...

Эмилия ничего не ответила.

...не я заразила его дурной болезнью, не я свела с ума, но лишь собственный его буйный нрав и фантазии, которые не случилось исполнить.

Я знаю, что он женился.

И скорблю по ребенку, который умер молодым. Детская смерть всегда печальна. Я сочувствую его жене, пусть и пережила их обоих. Надеюсь, хоть немного, но были они счастливы.

Я была.

Эмилия отложила перо. И скользнула взглядом по буквам. Некогда почерк ее был много лучше. Подцепив письмо за краешек, она поднесла его к пламени свечи.

10 — Осторожней, мама... — пробормотала Ольга, скривившись. Вот уж кому было жаль и бумаги, и свечи, и ночной пустоты.

— Я осторожна. — Эмилия смотрела, как сгорают слова.

Никому-то ныне не нужны ее признания. Не интересна и она сама.

Мир переменялся. И та война, которая перекроила его, обесценила прошлое. А что гораздо хуже, и будущее обесценила.

— Ты сожжешь остальные письма? — спросила она у Ольги в который раз.

Для чего Эмилия вообще хранила их? Памятью об этой чуждой любви? О поклонении? О мальчишке, который сделал ее бесмертной? Эмилии не станет, а Богоматерь сохранится.

Лестно.

— Сожгу, сожгу, — тема эта была Ольге неприятна.

— Но только письма... альбом сохрани, ладно?

Эмилия растерла черный пепел в пальцах.

— Мама...

— Сохрани. — Руки стали черны. От пепла, конечно, от пепла. — Когда-нибудь они будут стоить дорого...

...Эмилия не добавила, что для нее эти рисунки, акварели, сделанные на скорую руку, из желания ей угодить, скромный, как ему представлялось дар, вовсе бесценны.

— Глупости какие-то вы говорите, маменька...

Впрочем, Эмилия знала: Ольга исполнит просьбу. Она всегда была очень послушной девочкой.

Глава 1

САЛЬЕРИ ВСЫПАЕТ ЯД В БОКАЛ МОЦАРТА

У моего демона семь ликов. И первый из них... гнев.

Мишкин голос звучал в ушах, хотя Стас старательно не слушал его. Гнев. Это ярость. Или больше, чем ярость, поскольку она ослепляет, а гнев, напротив, делает разум ясным, а восприятие обостренным. И в этом, обостренном, восприятии краски, звуки, запахи — буквально все причиняет боль, а боль доставляет странное, извращенное почти удовольствие.

С нею Стас чувствует себя живым.

Наверное, вот так и сходят с ума. Постепенно. Вперившись взглядом в потускневший купол местной церквушки. Некогда удостоившись позолоты, он сиял, но многие прожитые зимы не пошли церквушке впрок. Метели позолоту слизали, ветра пообглодали стены, а дожди омыли то, что осталось...

...Мишку тоже омывали.

В морге.

И после в похоронном бюро, куда тело перевезли. Стасу разрешили присутствовать, хотя распорядитель не единожды повторял, что в том нет надобности, что справятся и сами. Стас не сомневался, что справятся. Он ведь платил за это.

Немало платил.

Но мысль о деньгах вновь вызывала боль, может, если бы их было чуть меньше, то и Мишка остался бы жив.

У моего демона семь ликов.

Мишкин собственный, побелевший, странно-заострившийся, теперь из памяти не стереть. Стас знал, что покойники меняются, что это естественно, потому как мышцы теряют тонус, а само тело — воду... и что-то там еще, такое, неважное, но навязчивое.

12 Мишку обмыли.

Он бы, будь жив, не позволил бы к себе прикасаться. Никогда не позволял, пожалуй, с той самой поры, когда начал хоть как-то себя осознавать. И мылся сам, поначалу неумело, лишь развозя грязь по животу, но от Стаса отворачивался, упрямо повторяя:

— Я сам.

Сам... и костюм этот, строгий, черный, он в жизни не надел бы. В жизни он предпочитал мятые джинсы и рубашки, тоже мятые, а порой и грязные.

Краски везде.

Красный. Синий. Желтый. Зелени вот немного, потому что весна только-только началась. Весна всегда приходит исподволь, крадучись. И красок прибавляет.

Черная земля, жирная, кладбищенская. Серые дорожки. Зелень первоцветов, которые пробиваются то тут, то там беспорядочными кляксами... Мишке бы понравилось. Быть может, устроился бы прямо тут, на дорожке, с альбомом, с карандашом... а то и мольберт притащил бы назло старухам. Или не назло, Мишка никогда ничего не делал, чтобы назло, просто поступал так, как считал нужным, а Стаса это бесило.

Ничего.

Теперь Мишки нет... и беситься нечего.

Не на кого.

— Мне жаль, — вздохнула женщина в тяжелом драповом пальто с воротником из искусственной норки. Норка выцвела, поползла пятнами, да и сама женщина гляделась нелепою, случайной гостьей.

Кто она?

Странно-то как... похороны, люди какие-то подходят к Стасу, выражают сочувствие, а он только и может, что кивать.

И кивает.

И пытается понять, кто же это был. Друг? Приятель? Сосед? Кто-то, с кем Мишку связала незримая нить хороших отношений, достаточно хороших, чтобы потратить деньги на гвоздики, а время — на похороны. А самое удивительное, что никого-то здесь Стас не знает.

Что ж получается? Он понятия не имеет, как жил его брат?

А ведь и вправду не имеет... когда они в последний раз разговаривали, чтобы нормально, без крика и выяснения от-

ношений, без обвинений, которые теперь казались пустыми, а тогда... а никогда не разговаривали. Да... и эта выставка идиотская... Мишка ведь не хотел ее.

Злился.

Говорил, что сам справится, без Стасовой протекции... и помощь ему никакая не нужна... говорил, но карточкой пользовался. А Стас орал, что карточку закроет, но все равно продолжал перечислять деньги.

Третьего числа каждого месяца.

— Наркотики, — заметила круглолицая старушка с острыми глазами. В них Стасу виделось откровенное, детское какое-то любопытство, проявлять которое старушка не стеснялась. Она и к могилке поближе подобралась. И к гробу подошла, вроде как попрощаться, но на деле смотрела старушка не на Михаила, а на гроб, на костюм, на цветы... венки...

В ресторан поедет всенепреренно, а после будет рассказывать своим, столь же любопытным подругам, как ныне принято похороны справлять.

Чуть какая в голову лезет.

И нехорошо подслушивать чужую беседу, но Стас ведь не таится.

Стоит.

Смотрит. И не его вина, что обострившееся восприятие сделало этот разговор доступным. Женщинам кажется, что они беседуют тихо.

— Вы, Анна Павловна, уж извините, но Михаил не был...

— Ах, Людочка. — Анна Павловна приложила к глазам платочек, верно, для большей скорбности образа. — Ныне все потребляют...

Произнесла она это с уверенностью человека, чей жизненный опыт позволяет заподозрить неладное в каждом встречном...

— А Михаил и вовсе... из этих... — Она взмахнула ручкой, той самой, в которой платочек держала. — Из художников. Там уж и вовсе каждый или по этому делу... — Она щелкнула пальцами по горлу. — Или по иному. Я-то знаю... у меня у племянницы сынок в живописцы подался. Я ей так и сказала: не потворствуй дури! Сгубишь парня...

— Не знаю, — Людочка была настроена скептически.

И кажется, действительно грустно ей было.

14 Соседка.

Конечно, теперь Стас вспомнил, и Анну Павловну с ее вечным недовольством, с лошадиным вытянутым лицом и бугрями, которые она обесцвечивала добела. С рыжею помадой, от которой узкие губы гляделись еще более узкими.

И Людочку узнал.

Она обрелась этажом выше. Тихая девочка, тихая девушка, какая-то невзрачная, скучная, но весьма примерная.

Отличница, не то что Стас.

Кажется, за эту ее примерность он тогда Людочку тихо ненавидел. И себя тоже, потому что не способен был стать примерным, хотя бы ненадолго.

Интересно, как у нее жизнь сложилась? Отец что-то там упоминал про университет... английский язык... небось закончила с красным дипломом, иначе у таких, как она, не выходит. А после устроилась на работу. В школу. Потому что более хлебные места получают те, у кого, помимо красного диплома, хватка имеется... в школе и работает по сей день, если повезло, то доработала до завуча.

— Он всегда был... другим. — Людочка поежилась.

Пальто ее, тяжелое, точно броня, не спасало от ветра. И от Стасова взгляда. Она спиной повернулась нарочно, желая от этого взгляда избавиться, а заодно уж и от Стаса.

— И что? А братца его вы видели? — Анна Павловна ко взглядам была равнодушна, а солидная шуба и от ветра защищала. — Бандит!

— С чего вы взяли?

И со Стасова места было видно, как полыхнула краской Людочкина шея, тонкая, длинная. Таковую бы в шарф, а то ведь простудится, героиня-отличница.

— Ты машину его видела? А гроб этот? Ты себе представить не можешь, сколько стоит по нынешним временам приличный гроб... а цветы... откуда у него деньги?

Стасу стало смешно.

На похоронах собственного брата смеяться нельзя, люди решат, что он, Стас, обезумел. И будут в чем-то правы, потому что это безумие — притворяться нормальным в такой день.

Но почему им, таким как Анна Павловна, всегда интересно, откуда у Стаса деньги?

И главное, деньги эти они любят считать.

Пересчитывать.

Гадать, честно они заработаны или нет. И что будет, когда деньги закончатся?

— Наркотиками торгует. — Анна Павловна широко, размашисто перекрестилась и поклон отвесила церквушке.

— Откуда вы...

— Людочка, нельзя же быть такою наивной! Очевидно. У старшего брата деньги. А младший обкололся до смерти. Значит, что?

Ничего это не значит.

Ничего.

Стас сжал кулаки. Ногти впились в ладонь, но эта боль, и не боль даже — неудобство — облегчения не принесло. Он заставил себя успокоиться.

Дышать.

И к могилке подойти. Потом, когда случайные и не случайные гости, которых набралось не так уж и много, отступили за ограду кладбища. За оградой стояли машины, а там и ресторан ждал.

Ничего. Еще подождет.

Стасу надо попрощаться. Он ведь так и не сумел, чтобы нормально... ни там, в похоронной конторе, ни в церкви, ни даже на кладбище. Обряды какие-то, обычаи... а тут вот...

Земли свежей горб. И деревянный крест с фотографией, с датами. Памятник надо будет поставить, но позже. Сказали, что сразу нельзя, земля усядет.

Или осядет?

Стас перестал понимать разницу между словами. Он стоял, глядел на могилу, на снимок, пытался заговорить, но не смог.

И отступил.

— Извините. — Людочка, оказывается, не ушла в машину.

Видела? Не могла не видеть, сама будучи незаметною. Как это у нее выходит? При ее-то немалом росте. На полголовы Стаса выше, а сутулится.

Горбится.

Стесняется, что ли?

— Вы ведь слышали все, да? — Она заглянула в глаза, сделавшись похожей на несчастную собаку. — Вы не могли не слышать...

— Слышал.